

Содержание

Благодарности · 9

Введение · 14

ЧАСТЬ I. ЗАБОЛЕВАНИЕ X

Глава 1. Организованная безответственность · 49

Глава 2. Это Ухань, а не Чернобыль · 79

Глава 3. Февраль: время упущено · 99

Глава 4. Март: глобальный локдаун · 118

ЧАСТЬ II. ГЛОБАЛЬНЫЙ КРИЗИС: ТАКОГО ЕЩЕ НЕ БЫЛО

Глава 5. Свободное падение · 137

Глава 6. И вновь — «чего бы это ни стоило» · 157

Глава 7. Поддержание жизнедеятельности экономики · 185

Глава 8. Набор инструментов · 219

ЧАСТЬ III. ЖАРКОЕ ЛЕТО

Глава 9. Новый Евросоюз · 247

Глава 10. Китай: движущая сила · 268

Глава 11. Национальный кризис Америки · 297

ЧАСТЬ IV. СМУТНЫЕ ВРЕМЕНА

Глава 12. В погоне за вакциной · 321

Глава 13. Облегчение долгового бремени · 346

Глава 14. Развитые экономики в боевой готовности · 372

Заключение · 397

Примечания · 425

Нашим друзьям-путешественникам

Благодарности

Я НЕ ПЛАНИРОВАЛ писать эту книгу. Тем больше я благодарен Саре Чалфант и Джеймсу Пуллелу, которые подтолкнули меня к мысли «сделать книгу „2020“». Я также искренне признателен Венди Вулф и Саймону Вайндеру, моим редакторам из США и Великобритании, — благодаря им книга «Карантин» появилась на свет. Работа шла необычайно быстро, в очень плотном сотрудничестве. Спасибо Терезе Сисел и всей ее технической группе за их участие. Особые слова благодарности — Детлефу Фелкелу из издательства С. Н. Векс, с которым я сотрудничал впервые.

Грэм Уивер оказал мне неоценимую помощь в своевременной подготовке рукописи. Мне не удалось бы совладать с цифровой стороной моей жизни без поддержки Кейт Марш, за что я в огромном долгу перед ней.

2020-й был годом горячих дебатов и обсуждений. Мои подписчики в Twitter (а их слишком много, чтобы перечислить всех) в этой книге опознают фрагменты наших дискуссий и реплики, которыми мы с ними вяло перекидывались. В первую очередь это относится к персонажу, который выступает в Twitter под именем Albert Pinto, также известный как @70sBachchan.

Мой редактор из Foreign Policy, Камерон Абади, является идеальным помощником и замечательным слушателем. Спасибо тебе, Джонатан Тепперман, за то, что не бросил меня. Спасибо Джонатану Шайнину, Йоганну Коши и Дэвиду Вулфу из *The Guardian*, Полу Майерскофу из *London Review of Books*, а также Хеннинг Мейер и Робину Уилсону из SocialEuropee.com.

Когда книга уже была готова, мне вновь посчастливилось найти интеллектуальную поддержку — ее мне оказа-

ла группа моих друзей. В течение многих лет накапливался мой интеллектуальный долг перед ними. Сегодня он настолько велик, что его размер не поддается разумной оценке. Для меня большая честь, что первыми читателями этой книги стали Мэтт Иннисс, Тед Фертиг, Стефан Айх, Ник Малдер, Барнаби Рейн и Грей Андерсон. Их комментарии нашли отражение целиком во всей книге. Особенно я признателен Даниеле Габор, которая в самые сжатые сроки дала мне технические рекомендации по поводу нескольких ключевых глав. Если эта работа внесет свой вклад в коллективный проект критически важного микрофинансирования, то в основном это будет благодаря Даниеле.

В течение всего этого года я участвовал в круглых столах и семинарах, организованных Йоргом Хаасом в Heinrich Boell Stiftung в рамках проекта Transformative Responses. С большой радостью я посещал онлайн-салон центрального банка, руководимый Леа Дауни и Стефаном Айхом. Огромным удовольствием для меня были беседы с Полом Такером. Кейт Брекенридж собрала замечательную группу коллег для участия в трех онлайн-семинарах под эгидой WiSER — Института социальных и экономических исследований Витса при Университете Витватерсранда. Я признателен Якобу Фогелю, моему старинному берлинскому приятелю, за потрясающий семинар, который состоялся в Центре Марка Блока. Мартин Конингз организовал превосходную дискуссию в Сиднейском университете в рамках программы Wheelright Lecture. Очень многое я почерпнул из специализированных круглых столов с Верой Зонгве и Бартеломью Арма из UNESA. Джош Янгер дал мне разъяснения по поводу рынков облигаций, а Лев Менанд — по поводу ФРС. Меган Грин рассказала мне о двойных процентных ставках. Робин Брукс и его команда в IIF стали для меня чрезвычайно важным источником данных и анализа. На всех рисунках в этой книге проставлен их логотип.

Мне бы хотелось поблагодарить ряд людей за увлекательные разговоры, которые я вел в течение этого года. Их имена приведены здесь в свободном порядке: Эрик Левитц, Жилльян Тетт, Дэвид Пиллинг, Гидеон Рахман, Майкл Петтис, Роберт Хэррис, Джордж Диез, Карин Петтерссон, Джо Вайзенталь, Трэйси Эллоуэй, На-

тан Танкус, Бенджамин Браун, Марк Собел, Роан Грей, Алекс Доерти, Марк Ширитц, Менака Доши, Брэд Сестер, Эзра Кляйн, Элизабет фон Тадден, Бен Йуда, Мэтт Кляйн, Йордан Шнайдер, Хелен Томпсон, Дэвид Рансиман, Уго Скотт-Галл, Лиза Спланеманн, Эрик Грейдон, Дэвид Уоллас-Уэллз, Аарон Бастани, Ли Винзел, Кайзер Куо, Ной Смит, Ян Бреммер, Вольфганг Шмидт, Оле Функе, Мориц Шуларик, Дэвид Бэкворт, Кристиан Одендаль, Эвальд Энгелен, Джон Аутерз, Луи Гарикано.

Так получилось, что первую половину 2020 г. я находился в отпуске, за что я премного благодарен Колумбийскому университету. В это время должность заведующего кафедрой занимал Адам Косто. Я хотел бы выразить ему свою глубокую признательность за все, что он сделал для нашей кафедры. Адам не просто большой ученый. Он потрясающий академический руководитель: жизнерадостный, принципиальный, трезвомыслящий, сосредоточенный на том, что составляет основу академической кафедры, — на идеях и на книгах. Нам нужны такие люди, как Адам. Если кому-то удалось встретить такого человека в нужном месте и в нужное время, то ему очень повезло.

В 2020 г. мы пережили очень глубокий шок, который затронул практически каждого человека в мире. Этот шок вмешался в нашу повседневную жизнь, перекроил наши планы, нарушил хрупкий распорядок нашей семейной жизни. Все книги, написанные мною за последние 20 лет, переплетались с этапами взросления моей дочери Эди. В этой книге я впервые писал о потрясениях, которые коснулись ее жизни, моей жизни, а также жизней всех тех, кого мы знаем и кто нам дорог. Острее всего я ощутил шок через призму отцовских чувств в связи с переживаниями Эди. Мне трудно забыть, как в спешке я эвакуировал ее из университетского общежития. В моей памяти навсегда сохранится картина странных, вяло текущих последующих недель. Тот год был очень горьким для огромного количества молодых людей по всему миру. Год, проведенный в вынужденном заточении, — это невосполнимая утрата. Никому не дано вновь пережить свой второй курс университетской жизни. Меня потрясло, как Эди и ее сверстникам удавалось сделать это время максимально полезным.

Что касается меня самого, то я в неоплатном долгу перед своими терапевтами — д-ром Дональдом Моссом и д-ром Монти Миллз Михан. Хотя жизненный инструктаж — это последнее, чего мы ждем от эффективного курса терапии, я сомневаюсь, что без них обоим я смог бы написать эту книгу. Мне очень повезло — мне не пришлось даже пытаться.

В 2020 г. тяжелее всего было оставаться наедине с собой. В одиночестве я не был. Меня окружали буквально толпы родственников и друзей, с которыми я бесчисленное количество раз общался по Zoom. Честь и хвала моему кузену Джеми, благодаря усилиям которого удалось объединить весь наш огромный клан Виннов и Тузов. Как здорово было вновь начать общаться с Джеймсом Томпсоном и Максом Джоунсом. Я разговаривал с Полом Солманом, Дэвидом Эджертоном, Гансом Кунднани, Данило Шольцем — эти беседы надолго останутся в моей памяти.

Однако, как мы все хорошо осознали, ничто не может сравниться с живым общением. Практически каждый день я встречался со своими знакомыми, которые так же, как и я, выгуливали собак «на горе» в парке Риверсайд. С ними мы делили утренние часы — и пасмурные, и солнечные. С ними мы обсуждали жизненные проблемы и ход работы над этой книгой. Крикнем «ура» нашей команде собачников — Джиму и Меррилл, Саймону и Мередит, Терри и Адриан, Арисе, Али и, конечно же, Мишель Лерман — душе нашей компании. Спасибо и веселым беззаботным созданиям, которые нас объединили, — Ян-Яну, Эффи, Бетти Буу, Айро, Кейле, Аполло и нашей дорогой Руби по прозвищу Похитительница Сердец, нашей неизменно жизнерадостной прелестной компаньонке.

Кроме того, у нас сложился еженедельный ритуал — вместе с Саймоном и Джейн мы устраивали вечеринки с соблюдением безопасной дистанции. Мы обедали прямо на лестничной площадке седьмого этажа, расположившись перед лифтом нашего многоквартирного дома. Ели мы стоя, вооружившись полным комплектом СИЗ, пользовались индивидуальными приборами и не брали еду с общей тарелки. В трудные дни в Нью-Йорке нас неизменно согревало наше ежедневное общение с друзь-

ями. Я рад, что мы никуда не уехали. Но это было очень напряженное время. Нам надо было сменить обстановку, и мы погостили у наших дорогих друзей — Бренты Донован, Изабель Барзун и Гавина Парфи, Жанет и Эд Вудов. Это дало нам возможность на время отвлечься в замечательной компании.

С самого начала и до конца я прожил этот год рядом с Даной Конли, что для нас совершенно непривычно. Дана самым внимательным образом прочла рукопись от корки до корки и сделала свои замечания. Но самое главное — она была для меня источником вдохновения. Туристическая индустрия сильнее других пострадала из-за карантина. Я был рядом с ней, и глубочайшее впечатление на меня произвело то, как она реагировала на кризис, ежедневно работала с коллегами со всего мира, чтобы не допустить изменений в их жизни, чтобы всем вместе справиться с безработицей, потерей доходов, страхами и шоком. У меня голова шла кругом, когда я пытался осознать, что все это происходит не только с нами, но со всеми, кого мы знаем по сфере туризма, в которой работает Дана, — с Джулианом и Софи, Лионелем и Доминик, с Тимом, Теком, Робертом и Сеф. Что то же самое люди испытывают в Великобритании и во Франции, в Италии, Танзании и Камбодже; в отелях, ресторанах, винных погребах, заповедниках и на туристических объектах. Еще более поразительным было для меня наблюдать, как Дана сводит вместе всех этих людей онлайн, демонстрирует их таланты, добавляет к их кругу общения новых друзей, заводит разговоры (это о вас, Росс и Крейг), которые захватывают людей со всего мира. Я видел, как энергия, энтузиазм, доброта и очарование Даны творят чудеса в самых разных уголках земного шара. Самым удивительным в 2020 г. было ощущение общей радости и единения, которое отражалось теперь на десятках экранов компьютеров со включенным Zoom, — виртуальное, но стопроцентно реальное. Этому ощущению единства, создаваемому Даной, моей неподражаемой супругой, я посвящаю свою книгу.

Введение

В ПЕЧАТЛЕНИЕ о пережитом в 2020 г. можно передать одной короткой фразой — «в это невозможно поверить». В промежуток между 20 января 2020 г., когда Си Цзиньпин публично заявил о начале эпидемии, вызванной коронавирусом, и 20 января 2021 г., когда ровно год спустя состоялась инаугурация Джозефа Байдена, 46-го президента США, весь мир охватило заболевание, которое за 12 месяцев унесло жизни более 2,2 млн человек. Десятки миллионов переболели в очень тяжелой форме. На конец апреля 2021 г., когда эта книга была готова к печати, количество умерших от этой инфекции во всем мире превысило 3,2 млн человек*. Мы столкнулись с серьезной угрозой, из-за которой изменилась повседневная жизнь практически каждого жителя нашей планеты. Практически остановилась общественная жизнь, закрылись школы, семьи оказались разделенными, прервалось сообщение как внутри стран, так и между странами, произошли кардинальные изменения в мировой экономике. Чтобы смягчить возможные негативные последствия, правительства предприняли беспрецедентные меры для поддержки домохозяйств, бизнеса и рынков. Ранее мероприятия такого масштаба производились лишь в военное время. То, что сегодня происходит в экономике, — не просто самая серьезная рецессия со времени Второй мировой войны. Эта рецес-

---

* Когда перевод этой книги был подготовлен к печати, количество заболевших во всем мире составило 628 654 059, а число умерших — более 6 566 710 человек (<https://www.worldometers.info/coronavirus/13.10.2022>). — Здесь и далее сноски в конце страниц принадлежат научному редактору перевода.

сия уникальна по своей природе. Никогда ранее в мире не принималось такое коллективное решение, пусть даже незапланированное и несистемное, — остановить функционирование крупных сегментов глобальной экономики. По словам Международного валютного фонда, произошел «кризис, не похожий ни на какой другой»¹.

Пусковым механизмом этого кризиса послужил вирус. Но еще до того, как мы узнали, с чем нам предстоит столкнуться, были все основания предполагать, что 2020 г. окажется очень беспокойным. Начинал разгораться конфликт между Китаем и США². В воздухе витала «новая холодная война». В 2019 г. произошло серьезное замедление темпов мирового экономического роста. МВФ опасался, что геополитическое напряжение может оказать дестабилизирующий эффект на мировую экономику, которая и так переживала нелегкие дни под грузом огромных долгов³. Экономисты придумывали новые статистические индикаторы для того, чтобы оценить степень неопределенности, которая негативно сказывалась на инвестициях⁴. Данные однозначно указывали на то, что источник всех бед находится в Белом доме⁵. Дональду Трампу, 45-му президенту США, удалось создать себе репутацию мирового пугала. В ноябре он собирался переизбираться на новый срок и, казалось, намеревался дискредитировать весь электоральный механизм, даже если бы он обеспечил ему победу. Не случайно Мюнхенская конференция по безопасности 2020 г., считающаяся Давосом по политике национальной безопасности, прошла под девизом «Беззападность» (Westlessness)⁶.

Беспокойство вызывал не только Вашингтон — истек срок для затянувшихся переговоров по Брекзиту. Еще бóльшую тревогу для Европы в начале 2020 г. создавала перспектива нового миграционного кризиса⁷. Кроме того, на горизонте маячили две угрозы: резкая эскалация гражданской войны в Сирии, а также хроническая проблема экономической отсталости. Единственным средством, которое могло помочь в такой ситуации, было более энергичное инвестирование и экономический рост в регионе глобального юга. Однако приток капитала был, с одной стороны, нестабильным, а с другой стороны, недостаточным. В конце 2019 г. половина стран-должников Африки южнее Сахары, имевших мак-

симально низкий уровень доходов, уже приближалась к состоянию долгового кризиса⁸.

Ускорение темпов экономического роста не было папачей. Экономический рост создавал бóльшее экологическое напряжение. Год 2020 должен был стать решающим для климатической политики. Планировалось, что в ноябре 2020 г. в Глазго состоится Конференция ООН по изменению климата — 26-я сессия Конференции сторон Рамочной конвенции ООН об изменении климата (КС-26 РКИК ООН)*. Она должна была начаться вскоре после выборов президента США⁹. Предполагалось, что она будет приурочена к пятой годовщине подписания Парижского соглашения по климату. Если бы победил Трамп, что в начале года казалось вполне реальным, то будущее планеты оказалось бы в критическом положении.

Мировая экономика повсеместно вызывала тревогу и беспокойство, и это было удивительной сменой вектора развития. Еще не так давно казалось, что такие достижения, как безусловная победа Запада в холодной войне, развитие механизмов рыночного финансирования, потрясающий прогресс информационных технологий, расширение орбиты экономического роста, укрепили капиталистическую экономику, превратив ее во всепобеждающий двигатель современной истории¹⁰. В 1990-е гг. на большинство политических вопросов можно было очень просто ответить известным мемом: «Это же экономика, тупица»¹¹. Поскольку экономический рост преобразовал жизни миллиардов людей, «иной альтернативы не было», как любила повторять Маргарет Тэтчер. То есть не было альтернативы порядку, основанному на приватизации, ограниченном регулировании экономики и свободе перемещения капитала и товаров. А в 2002 г. премьер-министр Великобритании, центрист Тони Блэр мог заявить, что спорить о глобализации так же бессмысленно, как спорить о том, придет ли осень на смену лета¹².

К 2020 г. появились сомнения если не по поводу смены времен года, то по поводу глобализации. К этому

---

* Из-за пандемии COVID-19 конференция была отложена и прошла в Глазго с 31 октября по 12 ноября 2021 г.

времени экономика претерпела трансформацию, превратившись из ответа в вопрос. Естественной реакцией на фразу «это же экономика, тупица» стали вопросы: «Чья экономика?», «Какая именно экономика?» и даже «А что такое экономика?». Ряд глубоких кризисов, которые начались в Азии в конце 1990-х и охватили Атлантическую финансовую систему в 2008 г., кризис еврозоны в 2010 г., а также кризис мировых производителей товаров 2014 г. — все эти события поколебали уверенность в рыночной экономике¹³. Эти кризисы удалось преодолеть, однако для этого потребовалось прибегнуть к расходованию государственных денег и интервенции центральных банков, при использовании которых удалось обойти укоренившиеся принципы «малого правительства» и «независимых» центральных банков. А кто от этого выиграл? Доходы поступали частным лицам, а расходы были общественными. Упомянутые выше кризисы были спровоцированы рыночной спекуляцией. Масштаб интервенций, необходимых для стабилизации кризисов, был поистине беспрецедентным. И все же богатство мировых элит продолжало увеличиваться. Уже никого не удивляет, что растущее неравенство приводит к популистским катастрофам — такая постановка вопроса теперь выглядит банальной¹⁴. Многие из тех, кто голосовал за Брекзит и за Трампа, на самом деле хотели только одного — вернуть «свою» национальную экономику.

Тем временем стремительный экономический взлет Китая лишил мировую экономику невинности, но несколько в ином отношении. Теперь появились сомнения в том, что великие боги экономического роста поддерживают Запад. И это, как оказалось, нанесло удар по важной предпосылке, лежавшей в основе Вашингтонского консенсуса, — скоро Америка перестанет быть страной номер один. На самом деле становилось все яснее, что боги (по крайней мере богиня земли Гея) не согласны с полной остановкой экономического роста¹⁵. Проблема изменения климата, которая раньше интересовала только участников движения в защиту окружающей среды, стала символизировать более широкую проблему — появление дисбаланса между природой и человечеством. Со всех сторон начались обсуждения «Зеленого нового курса» и энергетического перехода.

А потом, в январе 2020 г., поступили новости из Пекина. В Китае началась полномасштабная эпидемия, вызванная новым вирусом. К этому моменту ситуация была уже намного хуже, чем при вспышке SARS в 2003 г., когда от страха у нас по спине бегали мурашки. Это было то самое «возмездие» природы, о котором уже давно предупреждали нас активисты зеленого движения. Однако если климатические изменения заставили нас взглянуть на эту проблему в планетарном масштабе и составить расписание мероприятий для ее решения на десятилетия вперед, то вирус имеет микроскопические размеры, для него нет никаких преград и он перемещается в течение дней и недель. Он поражает не ледники и не океанические потоки, а наши тела. Он переносится нашим дыханием. Этот вирус поставил под удар не только отдельные национальные экономики, но и мировую экономику.

Вирус, который к январю 2020 г. получил название SARS-CoV-2, не был черным лебедем — совершенно неожиданным и невероятным событием. Скорее, он был серым носорогом — он был так хорошо известен, что к нему стали относиться как к чему-то привычному и в результате его риски остались недооцененными¹⁶. По мере того как SARS-CoV-2 выходил из тени, этот серый носорог все больше принимал вид ожидаемой катастрофы. Это была та самая крайне заразная, гриппоподобная инфекция, появление которой давно предсказывали вирусологи.

Вирус пришел к нам оттуда, откуда, как и предполагалось, он должен был появиться, — из Восточной Азии¹⁷. В этом регионе в тесном взаимодействии находятся живая природа, сельское хозяйство и городское население. Вполне предсказуемо, что вирус начал распространяться по каналам мирового транспорта и коммуникаций. Положа руку на сердце, можно утверждать, что его появление было ожидаемым.

Экономисты посвятили много времени обсуждению феномена «китайского шока» — его влиянию на глобальный западный рынок труда и внезапный рост импорта из Китая в начале 2000-х гг.¹⁸ SARS-CoV-2 стал «китайским шоком» в полном смысле этого слова. В далекие

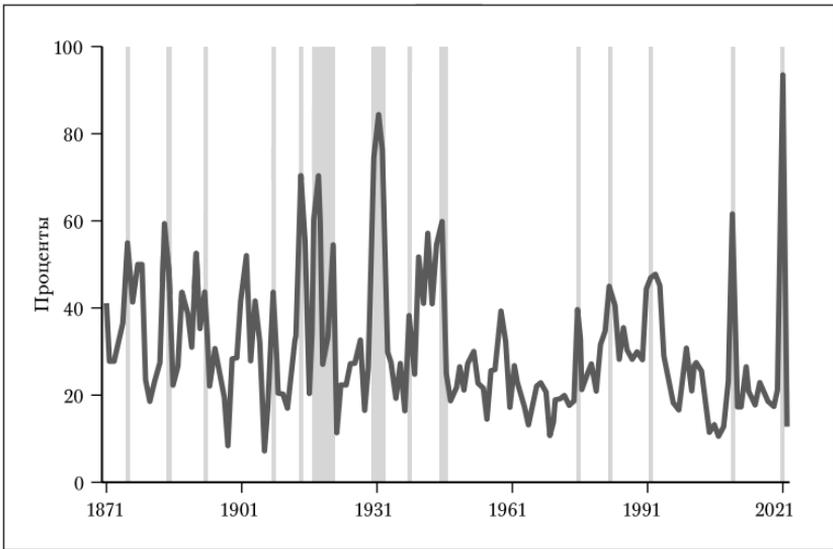

РИСУНОК: Прогнозы глобальной катастрофы, июнь 2020 г. Доля экономик с годовым сокращением ВВП на душу населения. Серым цветом обозначены периоды глобальных рецессий. Для 2020–2021 гг. — прогнозируемые данные.

A. Kose and N. Sugarawa, “Understanding the Depth of the 2020 Global Recession in 5 Charts,” *World Bank Blogs*, June 15, 2020.

дни существования Шелкового пути инфекционные заболевания распространялись по Евразии с востока на запад. В более ранние времена их распространение было ограничено в связи с медленной скоростью перемещений. В эпоху парусов тот, кто заболел, как правило, умирал в пути. В 2020 г. коронавирус распространялся со скоростью реактивного самолета и высокоскоростного поезда. В 2020 г. Ухань был богатым мегаполисом, население которого составляли недавние мигранты. Половина жителей обычно уезжает из города на празднование китайского Нового года. SARS-CoV-2 потребовалось всего несколько недель, чтобы распространиться из Уханя по всему Китаю и большей части остального мира.

Год спустя мир стало лихорадить. В истории современного капитализма еще не было зафиксировано такого факта, чтобы почти у 95% мировых экономик одновременно снизился ВВП на душу населения. Это случилось в первой половине 2020 г.

Более 3 млрд взрослых жителей планеты были вынуждены уйти в отпуск без сохранения содержания или начать работать из дома¹⁹. Почти у 1,6 млрд молодых людей прервалось обучение²⁰. По подсчетам Всемирного банка, помимо беспрецедентных изменений, произошедших в связи с этим в семейной жизни, потеря общих доходов на протяжении жизни по причине неиспользования человеческого капитала может достигнуть 10 млрд долл.²¹ Временная приостановка работы была общим пожеланием всего мира, и это делает сложившуюся в экономике ситуацию в корне отличной от любой случавшейся ранее рецессии. Выяснение того, кто принимал это решение, где именно и при каких обстоятельствах, является важнейшей задачей данной книги.

Мы все испытали на собственном опыте, что приостановка работы приняла такие масштабы, которые трудно выразить в цифрах валового внутреннего продукта (ВВП), статистики торговли и безработицы. У большинства людей в их повседневной жизни никогда не случалось таких серьезных изменений. А это привело к стрессам, депрессиям и психическим расстройствам. К концу 2020 г. большая часть научных исследований, связанных с COVID-19, была посвящена изучению психического здоровья населения²².

Люди ощущали кризис по-разному. Это зависело от того, в какой части мира и в какой стране они жили. В 2020 г. Великобритания и США испытали не только форс-мажорную ситуацию в системе общественного здравоохранения или значительный спад производства — этот год стал кульминацией периодов углубления национальных кризисов, которые можно описать словами «Трампа» и «Брекзита». Как получилось, что страны, ранее претендовавшие на мировую гегемонию и являвшиеся признанными лидерами в вопросах общественного здравоохранения, потерпели столь печальное фиаско в попытках совладать с вирусом? Должно быть, в этом проявилась более серьезная болезнь²³. Может быть, в этом обнаружилась их общая увлеченность идеями неолиберализма? Или завершение процесса упадка, который растянулся на многие десятилетия? Или обособленность их политических культур?²⁴

«Поликризис» — термин, который начал использоваться в Евросоюзе лишь в последнее десятилетие. Глава Еврокомиссии Жан-Клод Юнкер заимствовал эту идею в трудах Эдгара Морена, французского философа, создателя теории сложности²⁵, и ввел термин «поликризис» в оборот для обозначения событий, которые произошли приблизительно в одно и то же время, в период с 2010 по 2016 г.: кризис еврозоны, конфликт на Украине, миграционный кризис, Брекзит, а также общеевропейский подъем национального популизма²⁶.

Хотя термин «поликризис» передает идею о том, что различные кризисы совпадают по времени, он не описывает их взаимодействия²⁷. В январе 2019 г. председатель Китайской Народной Республики Си Цзиньпин выступил с речью, которая вызвала широкое обсуждение во всем мире. В ней он упомянул о том, что кадры Коммунистической партии Китая должны быть в состоянии предвидеть риски, связанные как с черными лебедями, так и с серыми носорогами²⁸. Летом того же года в *Study Times* и *Qiushi* — двух журналах, через которые Коммунистическая партия Китая транслирует своим наиболее образованным кадрам главные постулаты своего учения, — опубликовали статью Чэнь Исиня, в которой тот более подробно интерпретировал афористические высказывания Си Цзиньпина²⁹. Чэнь Исинь — протеже Си Цзиньпина — некоторое время спустя, во время пандемии коронавируса, был назначен руководителем операции по партийной чистке в провинции Хубэй³⁰. В своей статье 2019 г. Чэнь ставит следующие вопросы: «Как сочетаются риски?», «Как экономические и финансовые риски превращаются в политические и социальные?», «Каким образом „рискам киберпространства“ удалось стать „реальными социальными рисками“?», «Как внутренние риски становятся международными?».

Чтобы понять, как развиваются поликризисы, Чэнь предложил китайским чиновникам, отвечающим за безопасность, сосредоточиться на шести основных факторах:

- по мере того как Китай начинает занимать центральное положение на мировой арене, государственные чиновники должны обеспечивать защиту от эффек-

- та «обратного ответа», который может быть получен в результате взаимодействия с внешним миром;
- в то же время они должны постоянно быть начеку и не допускать, чтобы происходил «эффект конвергенции» между тем, что сегодня может показаться маловероятной угрозой, и новой реальной угрозой. Нельзя забывать о том, насколько легко размывается граница между внутренним и внешним, между новым и старым;
  - помимо возможной конвергенции необходимо также не допускать «эффекта наслаивания», в результате которого «требования групп интересов из различных сообществ могут пересекаться и создавать „многослойные“ социальные проблемы, то есть наслаивание одних проблем на другие: текущих на исторические, материальных на идеологические, политических на неполитические. При этом все эти проблемы пересекаются и перемешиваются друг с другом»;
  - по мере того как облегчается коммуникация между разными странами, может возникнуть «эффект взаимосвязи». Разные сообщества теперь «могут вступать друг с другом в контакт на расстоянии и поддерживать друг друга...»;
  - интернет не только сделал возможной «обратную связь» и взаимосвязь — благодаря ему внезапно произошло быстрое распространение новостей. КПК, предостерегал Чэнь, должна учитывать «эффект усиления», при котором «любая мелочь может превратиться... в водоворот; пара слухов... легко могут создать „бурю в стакане воды“ и внезапно вызвать реальное „торнадо“ в обществе»;
  - и наконец, Чэнь назвал еще один фактор — «эффект индукции», в результате которого проблемы, которые испытывает один регион, косвенным образом вызывают сочувствие другого региона. Это может приводить к копированию и создавать еще не существующие и не решенные проблемы³¹.

Хотя все это описано несколько витиеватым стилем, характерным для Коммунистической партии Китая, факторы, описанные Чэнем, каким-то сверхъестественным образом подходят для описания опыта 2020 г. Вирус —

это пример «обратной связи» вселенского масштаба, от китайской глубинки до города Ухань, от Уханя до всего остального мира. Западные политики, так же как и политики в Китае, боролись с конвергенцией, на-слаиванием и взаимосвязями. Протестное движение Black Lives Matter явило собой пример гигантского усиления и индукции, создав резонанс по всему миру³².

На самом деле, если не обращать внимания на исходный контекст, то контрольный перечень факторов, предназначенный для китайских партийных кадров, вполне может стать путеводителем для нашей частной жизни, самоучителем выживания в условиях кризиса, вызванного коронавирусной инфекцией. Сколько семей, сколько супружеских пар, сколько нас всех, изолированных из-за карантина и находящихся взаперти в четырех стенах, были защищены от эффектов усиления и индукции? Порой возникает ощущение, что невидимый враг в виде вируса готов поразить самые слабые стороны нашей личности и наших самых близких людей.

Бывали и более смертоносные пандемии. Пандемия 2020 г. коренным образом отличалась от других пандемий масштабом ответа. И здесь напрашивается вопрос, который главный политический обозреватель газеты *Financial Times* Мартин Вульф сформулировал следующим образом:

Почему... экономический ущерб от такой относительно мягкой пандемии оказался столь огромным? Ответ: потому, что это было возможно. Обеспеченные люди с легкостью могут отказаться от большей части своих привычных ежедневных расходов, а их правительства могут оказать широкомасштабную поддержку пострадавшим людям и бизнесу... Сегодня в ответе на пандемию отражаются экономические возможности и социальные ценности. По крайней мере, так происходит в богатых странах³³.

На самом деле, поразительной чертой пандемии 2020 г. было то, что за ее преодоление огромную цену были готовы заплатить и бедные страны, и страны со средним достатком. К началу апреля бóльшая часть стран (кроме Китая, где распространение вируса уже удалось сдержать) прилагали беспрецедентные усилия, чтобы остановить пандемию. Как сказал выбивавшийся из сил

Ленин Морено, президент Эквадора — страны, наиболее сильно пострадавшей от пандемии, «это была реально первая война, охватившая весь мир... Другие войны происходили на каких-то одних континентах и не затрагивали других... в этот раз под удар попали все. Эта война не ограничена географическим пространством. От нее никуда не убежать»³⁴.

Если это и была война, от которой невозможно спрятаться, то все равно в этой войне нужно было сражаться. Именно этот факт служит объяснением того, что события, происходившие в 2020 г., мы называем кризисом. В своем первоначальном значении слово «кризис» (от греческого *krisis*) означает перелом в ходе болезни. Этот термин также имеет отношение к слову *krinein*, которое означает «разделять, решать и высказывать суждение». От этого глагола происходят существительные «критик» и «критерий» (то есть оценка степени верности суждения)³⁵. Таким образом, термин «кризис» в обоих своих значениях прекрасно подходит для описания воздействия вируса, который заставил людей, организации, правительства разных стран всего мира принять целый ряд исключительно сложных и судьбоносных решений.

Термин «локдаун» вошел в привычное употребление для описания нашей коллективной реакции. Само это слово неоднозначно. «Локдаун» предполагает принуждение. До 2020 г. этот термин использовался для обозначения коллективного наказания в тюрьмах, когда заключенные заперты в своих камерах. В современной ситуации этот термин хорошо подходит для описания мер, направленных на борьбу с COVID-19, которые были приняты рядом стран. В Дели, Дурбане, Париже вооруженные полицейские, патрулируя улицы, фиксировали имена и адреса нарушителей комендантского часа, для которых затем устанавливалось наказание³⁶. В Доминиканской Республике за нарушение локдауна было арестовано на удивление много людей — 85 тыс. человек, или почти 1% населения³⁷.

Даже если не учитывать нарушения комендантского часа, указ правительств о закрытии всех предприятий общественного питания и баров может ощущаться владельцами и клиентами как репрессивная мера. Однако если мы зададимся целью рассмотреть эти события в бо-

Конец ознакомительного фрагмента.

Приобрести книгу можно

в интернет-магазине

«Электронный универс»

e-Univers.ru